

ОБРАЗ КИТАЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Ольга Викторовна Бокавнева

МГИМО МИД России, Москва, Россия

o.bokavneva@inno.mgimo.ru

Аннотация. Изучение культурной специфики стран-соседей является актуальным вопросом философской антропологии и философии культуры, поскольку раскрывает грани новых возможностей взаимодействия в различных областях. Образ иной культуры, конструируемый в сложном взаимодействии сознательно избираемых стратегий и бессознательно проецируемых чувств, зачастую играет существенную роль в выработке политики и определении степени сотрудничества как на государственном, так и на неправительственном уровнях. Такие образы создаются различными путями. Помимо распространения знаний о быте и традициях соседей в результате непосредственного взаимодействия, роста числа научных и дипломатических контактов, важную роль играет здесь искусство. Одним из наиболее интересных и малоизученных путей формирования образа Китая в России являются визуальные образы; среди последних особое место занимает политическая карикатура. Последняя обладает не только свойством передавать колорит времени, но и производит сильное впечатление на аудиторию, тем самым оказывая влияние на общественное мнение. Сравнительное изучение экзо- и эндо- образов самосознания китайцев, повлиявших на развитие представлений о Поднебесной, показало, что они претерпели в России определённую эволюцию. Образ страны-соседа трансформировался. Его эмоциональные оценки неоднократно менялись от позитива к негативу и обратно к позитиву. В статье проанализированы особенности политической карикатуры XX в., которая представляет китайцев сквозь призму значимых политических событий и в то же время отражает историко-культурный контекст как самой России, так и Китая. Советский период в целом воспринял логический каркас образа Китая как «Другого». В то же время, этот период отличает внимание к общечеловеческим ценностям свободы и политической независимости, единства трудящихся и веры в светлое будущее трудового человека. «Срединное» китайское государство в духе пролетарского интернационализма предстаёт как претендующее на роль авангарда борьбы за эти ценности. Вплоть до конца 1950-х гг. партнёрские отношения стран-соседей не подвергаются сомнению.

Ключевые слова: образ, национальная идентичность, Китай, диалог культур, взаимодействие, карикатура, восприятие Китая в России

Для цитирования: Бокавнева О.В. Образ Китая в России: история вопроса // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 161–174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174>

© Бокавнева О.В., 2021

CHINA'S IMAGE IN RUSSIA: HISTORICAL BACKGROUND

Olga V. Bokavneva

MGIMO University, Moscow, Russia
o.bokavneva@inno.mgimo.ru

Abstract. Studying the cultural specificity of the neighboring countries is an important research question for philosophical anthropology and philosophy of culture as it gives a perspective of new possibilities of interaction and partnership in various areas. People's understanding of a different culture originates from a complex interrelation of consciously chosen strategies and unconsciously projected feelings. The resulting image of the Other culture often plays a significant role in policy-making and helps determine the quality and extent of interrelations, including cooperation, both at the governmental and non-governmental levels. There are multiple ways of constructing such an image. Intensified contacts, that include direct interaction, diplomatic and scientific contacts, lead to the increase of knowledge about neighboring countries' lifestyle, household organization, and traditions. Art is one of the key means of getting to know another culture. The author pays special attention to visual images, namely political caricature, as interesting yet poorly explored ways of forming the image of China in Russian society's perception. Herein political caricature, i.e. political visual satire, not only translates the atmosphere of those times but also greatly affects the audience and influences public opinion by creating strong and vivid impressions. Both external and internal images of the self-perception of the Chinese played their role in the development of the perception of China. Their comparative analysis proves that these images underwent a certain evolution in Russia: the image of the neighboring state dynamically altered over the years. Emotional and affective evaluations of China several times drastically changed from positive to negative, and back. The paper explores peculiar features of the political caricature of the 20th century and looks into the ways the imagery shows the Chinese in the light of major political events. It is noted that the images represent both Chinese and Russian historical and cultural context of the epoch. During the period under consideration, the Soviet way of thinking about China mainly came from the logical approach of seeing China as the Other. At the same time, this period is characterized by an increased interest in universal human values of freedom and political independence, the unity of the working population, and the positive outlook on the workpeople's future. The Chinese middle kingdom in the vein of proletarian internationalism appears a leader fighting for the above-mentioned values. This friendly approach towards China and the possibility of a partnership between the countries remains unquestioned till the 1950s.

Keywords: image, national identity, China, dialog of cultures, interaction, caricature, Other

For citation: Bokavneva, O. V. (2021) 'China's Image in Russia: Historical Background', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 161–174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174>

Культуры, существующие в синхронном временном контексте, потенциальные агенты взаимодействия. Их соединяют (и разъединяют) торговые связи, военные и дипломатические контакты. В случае военных конфликтов один социокультурный организм мог не только

поглотить, но и искоренить другой. Сложное переплетение культурных и политических границ по сей день остаётся дискуссионной исследовательской проблемой. При этом «культурный ландшафт социумов коллективистической культуры в историческом развитии всегда имел достаточно

устойчивые границы, определяемые как территорией и населявшими её этносами с довлеющей культурной традицией, так и взаимодействие разных социокультурных конгломератов на границах их соприкосновения» [Прокудин, Толстикова, 2018: 291].

В настоящее время мало кто усомнится, что на степень сотрудничества модернизированных и модернизирующихся культур оказывает влияние научно-технический прогресс [Magu, 2015: 636]. Однако в современную эпоху информационно-коммуникационные технологии позволили выйти за пределы государственных границ и создать новое — виртуальное — пространство, в котором разворачивается мнимый и действительный диалог культур. Преодоление этноцентризма, как отмечает М. Беннет, происходит через постепенное осмысление значимости ценностей и традиций другого народа, формирование уважительного отношения к ним [Bennett, 2004].

Благодаря пересечению культурных потоков происходит процесс получения знаний не только о другой культуре, но и прежде всего о своей собственной [Палий, 2007: 183]. При этом появляется возможность «проникновение в смыслы чужой культуры», что «позволяет посмотреть на свою собственную как бы со стороны, с иных точек зрения» [Вознюк, 2010: 159]. В то же время, многие потенциально конфликтогенные противоречия возникают по причине того, что стороны межкультурного диалога воспринимают нормы собственной культуры как единственно «верные», «истинные». Эти нормы проецируются вовне и декларируются как «общечеловеческое» долженствование. Соответственно нормы и правила другой культуры трактуются в качестве «ложных», «неестественных»; представитель инокультуры определяется в этой системе координат как «Чужой», его образ несёт негативный оттенок [Егоров, 2020]. Понятно, что вести диалог с позиций этноцентризма чрезвычайно затруднительно; что, впрочем, не означает, что всякое продвижение национальных интересов следует считать этноцентризмом.

Помочь нивелировать острые углы разногласий (как в случае сохранения этно-

центрической ориентации партнёров, так и в случае её преодоления) призван такой вид межкультурного диалога, как дипломатический. Напомним: именно с изучения разницы языков, традиций и образа жизни начинались исследования в области изучения народов и их культур представителями немецкой философской мысли (среди «отцов-основателей» этой линии философии культуры особое место занимают И.Г. Гердер и В. Гумбольдт). Именно как возможность предотвращения конфликтов рассматривал межнациональный диалог известнейший российский учёный академик Д.С. Лихачев [Лихачев, 1989: 3–4].

Отдельной темой, выделяемой исследователями стратегий достижения пригодного к диалогу состояния «этнорелятивизма» (М. Беннет), является вопрос о возможности (а по М. Беннету — даже необходимости) утраты партнёрами-этнорелятивистами собственной культурной идентичности [Siljanovska, 2014: 116]. Речь идёт о перспективах сохранения идентичности всеми участниками межкультурного диалога, включая фаворитов политической и экономической гонки.

Особое значение имеет в данной связи партнёрский диалог между странами-соседями. Отдельного внимания здесь заслуживают вопросы о **конструировании образа соседа**: что это такое? Какими средствами производится такое конструирование? Что в таком конструировании «подвластно» его инициаторам, проводникам и адептам, — а что принадлежит социокультурной «стихии» и может стать неожиданностью для них самих? Наконец, можно ли найти оптимальное соотношение рациональных и иррациональных (прежде всего, эмоциональных) составляющих этого образа?

Методология исследования. Подойти к рассмотрению данной проблематики на примере формирования образа Китая в России позволяет обращение к компаративному анализу, а также использование приёмов имагологии, изучающей процесс формирования и функционирования образов иной культуры в результате распространения знаний о достижениях художественной культуры (в основном — переводов художественной литературы).

Однако для исследования смысловых и ценностных акцентов в процессе создания «образа Другого» не менее важным, чем литературное наследие, представляется багаж изобразительного искусства.

Отдельно стоит поставить вопрос о **материалах исследования**. Такими материалами в данном случае могут выступать любые материальные объекты, в которых находит отражение исследуемый образ. Особого внимания заслуживают малоизученные визуальные материалы, к которым относятся *рисунки и карикатуры*.

Строго говоря, «понятие “образ” включает в себя множество значений: это и “символ”, “знак”, “опознавательная примета”. Образ является залогом долговременного, пусть не вечного, но вполне протяжённого в исторических эпохах существования» [Швецова, 2012: 288]. При этом есть разница между «стержневым» образом, «который разветвляется, и на него нанизываются вторичные и “поддерживающие” образы» [Антонюк, 2012: 121]. Складывающийся образ страны может быть упрощённым, одномерным, — и более сложным, многомерным. В любом случае, он не статичен и подвержен эволюции [Глаголев, 2017а: 317].

Выделяя грани процесса формирования образа страны, нельзя не учитывать политику «продвижения имиджа» своей страны за рубежом, то есть распространение (а иногда — идеологизированное навязывание) своего **экзо-образа** в культуре других стран.

Важным фактором формирования образа другой страны, тем более — страны-соседа, является влияние культурного контекста, в котором данный образ формируется: «... в процессе анализа того или иного стереотипа ... раскрывается и характеризуется и сам воспринимающий субъект — отражаются особенности национального сознания и национальной системы ценностей» [Козлова, 2015: 117]. Образ страны-соседа при этом испытывает как минимум два вектора воздействия. Во-первых, он зависит от свидетельств, определяющих историческую память и мемориальную культуру восприятия странами-соседями друг друга. Во-вторых, этот

образ вписан в контекст текущих событий и их оценок, не сводимых, разумеется, к художественным образам (то есть зависит от реальных отношений в области политики, экономики, права и т.д.). Перечень подобных контекстов можно продолжить, но выделенные выше можно считать основными. В любом случае, моделирование образа страны-соседа, бытующего в общественном сознании той или иной социокультурной общности, должно учитывать противоречивый характер эмоциональных и рациональных оценок, его составляющих. Более того. В перспективе изучение таких образов требует учёта «зеркальной» позиции: интерпретировать представление населения одной страны об особенностях культуры другой страны уместно, сравнивая их с «встречными» образами. Не обойтись и без обращения к саморепрезентации (эндо-образам): вопрос о том, как граждане представляют образ своей страны в прошлом, настоящем и будущем позволяет подойти к уточнению деталей формирования не только образов как таковых, но и контекста их формирования.

Ярким примером, раскрывающим историко-культурные противоречия формирования «образа страны-соседа», является рассмотрение взаимного восприятия «образов Другого» жителями России и Китая. Следует отметить, что к этому вопросу российские исследователи уже обращались. В частности, в конце 2019 г. сотрудниками Института международных исследований МГИМО было проведено исследование, чьей задачей явилось выявление представлений граждан Китая образа своей страны в настоящем и будущем. Причём этот образ интересовал исследователей именно в контексте международных отношений. Авторы статьи, опубликованной в журнале «Полис. Политические исследования», подчёркивают: несмотря на то, что в своих рисунках респонденты (студенты из КНР) демонстрируют миролюбие Поднебесной во внешней политике, одновременно с этим они отмечают важность своего государства на международной арене. «Мы нашли три образа — лес, корабли и солнечная система (9 рисунков), — где Китай изображается явно сильнее остальных. В лесу Китай – са-

мое большое дерево, окружённое кустарниками и травой, которые символизируют другие страны; Китай изображается и в виде крупного военного корабля, сопровождаемого дружественными катерами; в солнечной системе Китай — крупная планета, вокруг которой вращаются спутники» [Отражение внешней политики КНР..., 2021: 70].

Обращаясь к истории **эндо-образа** Китая, имеет смысл учитывать особенности смены идентичности в разные исторические эпохи. За долгую историю Поднебесной можно выделить несколько таких периодов: позитивный — великая и неприступная империя, занимающая центральное место в мире, негативный период — чувство стыда за полукOLONиальное прошлое, и снова возвращение к позитивному периоду идентичности — Китай открывается миру. Раскроем содержание эндо- и экзо- образов, сформированных в каждый из этих периодов, более подробно.

Как известно, императорский Китай позиционировал себя как закрытое государство, идущее по собственному пути. Для него характерны ощущение стабильности, убеждение в своём превосходстве. Китай этого времени гордо и в какой-то степени надменно смотрел на остальные страны. Другие народы рассматривались в качестве варваров, распределявшихся по сторонам света, — северных, западных, южных и восточных.

Само наименование «Китай» — 中国 Чжунго появилось как известно после образования централизованного государства. Дословно оно означает «Срединное государство» (первый иероглиф переводится как «центр, середина»; второй — «государство»). В этом названии нашли отражение представления древних китайцев о своей родине как о центре мира, свойственные многим древним народам.

В единичных случаях Китая достигали иноземцы, купцы и путешественники; чаще — кочевые племена, совершавшие набеги. Системы ценностей кочевников в значительной мере уступали цивилизованной Поднебесной. Не удивительно, что впоследствии их традиции китаизировались: эта «практика из века в век как будто

бы подтверждала справедливость древней идеи о бесконечном превосходстве “цивилизации” (Китая) над “варварами” (всеми остальными)» [История и культура Китая, 1974: 375].

Этноцентрическое мышление сыграло свою роль и в формировании представлений китайцев о внешнеполитических связях. Носителем безграничной власти являлся ван 王 — князь, царь, позже император: «Монарх почитался как единственный устроитель миропорядка на земле. (...) Он должен был установить этот порядок не только в самом Китае, но и за его пределами» [Тихвинский, 1976: 12]. Подобные воззрения препятствовали установлению равноправных дипломатических отношений других стран с Поднебесной. Любые попытки установить отношения расценивались китайскими императорами как стремление стать подданными китайской империи. Иноземные культуры в страну практически не проникали, и в Новое время Китай шагнул, будучи уверенным в своём статусе центра Вселенной (эндо-образ, транслируемый вовне как экзо-образ).

Дипломатические миссии, направлявшиеся в Поднебесную, непременно были должны следовать этикету принимающей стороны: преподносить подарки, которые рассматривались как дань. На приёме у главы государства не разрешалось иметь шпагу, очки. Кроме того, посол был обязан соблюдать церемонию коу-тоу 叩头 — троекратно преклонить колени и сделать девять земных поклонов перед императором. В этом ритуале многие иностранные дипломаты видели попытку подорвать авторитет своего правительства и не соглашались его совершать. В случае отказа соблюдать установленный этикет иностранного посла высылали из Китая и не допуская на аудиенцию к Сыну Неба. Именно так в сентябре 1656 г. пришлось покинуть страну Фёдору Байкову, возглавлявшему первое русское посольство. Дипломат не стал выполнять ритуал коу-тоу и отказался передавать царскую грамоту сановникам, а не лично императору: «Марта в 6 день присылали к Фёдору Байкову из Приказа Царевы приказные люди, а велели. Фёдору Исаковичу Байкову с Госуда-

ревою любительною грамотою приехать в Приказ; и Федор Исакович Байков тем приказным Царевым людям отказал; прислан де я от Великого Государя к вашему Царю, а не к вам приказным людям. (...) Августа во 12 день присылали к Федору Исаковичу Байкову приказные Царевы люди, а велели Ехать в Приказ для того, чтобы посмотреть, как кланяться Царю; и Федор Байков приказным Царевым людям отказал, не быв де мне у Царя, в Приказ ехать не уметь; а како де мы почитаем своего Великого Государя, так де мне Великий Государь указал почитать и вашего Царя. (...) И Федора Исаковича Байкова отпустили из Канбалыка с Государевою грамотою и с казною 1656 году Сентября в 4 день, и выслали не само его вежливо; и Царскому Величеству чести никакой не учинили; а подвод под Государеву казну Федору Байкову не дали, только на дорогу дали корму (...)»¹.

Однако рост числа и успешности дипломатических контактов способствовал тому, что образ Китая постепенно становился для стран-соседей менее мифологизированным и более объёмным. Для Российской империи такое «уточнение понятий» происходит в XVIII в., когда «наработался опыт взаимодействия с другими культурами» и «опыте принятия Другого именно как *Другого*» [Глаголев, 2017б: 325].

Нельзя не заметить, что на особенности конструирования образа Китая в России XVIII в. оказали влияние не только всё ещё скудные контакты России с Поднебесной, но и европейские идеи. Напомним: именно из Европы пришла в Россию мода на так называемый «китайский стиль». Как и европейцы, многие российские дворяне оформляли интерьеры своих домов, используя фарфор, живопись, веера, шёлк и другие предметы, привезённые из Китая. Такое декорирование демонстрировало изысканный вкус хозяев: «Китайские изделия обращали на себя внимание необычным материалом, странными формами, нежи-

данными цветовыми решениями, непонятными сюжетами» [Благодер, Минц, 2011: 117]. Со временем шёлковые ткани начали применять не только для убранства комнат и отделки стен залов, но и для пошива одежды, которая пользовалась спросом у аристократии и купечества. Кроме того, одним из популярных товаров, ввозимых из Китая, стал чай. Со временем чай настолько прочно вошёл в обиход различных слоёв населения царской России, что стал «русским» напитком и перестал восприниматься как элемент китайской культуры: «Сибиряки предпочитали употреблять чёрный прессованный из чайной крошки плиточный (“кирпичный”) чай, который относился к дешёвым сортам. Зелёный чай находил спрос у калмыков, казахов, киргизов и некоторых других народов Российской империи. В европейской части России стал пользоваться популярностью чёрный байховый чай» [Самойлов, 2010: 7].

Конечно, российское общество черпало информацию о Китае не только из знакомства с ввозимыми товарами типа чая, шёлка и вееров, но и из описаний путешествий западных авторов, некоторых произведений китайской литературы, переведённых на русский язык. Ценным источником, влиявшим на создание образа Китая, были также исследования учёных, входивших в состав Российских Духовных Миссий и отчёты отечественных дипломатических представительств, несущих службу в Китае. Так, значимую роль в изучении Китая, Монголии, Тибета, Восточного Туркестана сыграл Н.Я. Бичурин, известный как отец Ианкиф. Именно Бичурин стал основоположником отечественной синологии в XIX в. Его многочисленные труды, содержащие достоверные материалы о государственном управлении, вооружённых силах, географическом положении, торговле, просвещении, религии, традициях, зодчестве, быте, были почерпнуты из источников на китайском языке и получены в резуль-

¹ Путешествие Российского Посланника Федора Исаковича Байкова в Китай, 7162 (1654) года Июня 25 дня. Текст воспроизведен по изданию: Древняя российская вивлиофика, Часть IV. М. 1788 Сайт Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/3/text1.htm (дата обращения 11.04.2020)

тате собственных полевых наблюдений. Его труды обстоятельно рассказывали о загадочной стране, подогревая интерес российского общества к изучению Поднебесной. Занимался Н.Я. Бичурин и преподавательскою деятельностью. Специально для Кяхтинского училища китайского языка учёным была составлена «Китайская грамматика»².

Важным источником, формирующим образ Китая как страны-соседа, становятся в XIX в. непосредственные контакты. Российская империя, как известно, имела общие границы со Срединным государством, в связи с чем ей время от времени приходилось заниматься урегулированием конфликтных ситуаций, возникающие на приграничных территориях, налаживать торговые связи, вести переговоры. Вот текст, взятый из копии инструкции, данной чрезвычайному и полномочному послу графу Ю.А. Головкину в Санкт-Петербурге от 6 июля 1805 г.: «Торговля между Россиею и Китаем ограничена ныне в одной только Кяхте, где чинится размен товаров между обоюдных подданных, отдаленные же жители пространных границ наших с Китаем или вовсе лишаются плодов, кои от оной получить могли бы, или получают только нужное и продают свои избытки с великими затруднениями, а потому весьма было бы желательно склонить пекинский двор на то, чтоб торговый промысел производился по всей границе беспрепятственно»³. Прямые контакты существенно корректировали образ Срединного государства, который в представлениях россиян становится всё более реалистичным, особенно по сравнению с описаниями европейцев. Этот реализм основан на знании разных сторон жизни Китая и большем (поначалу)

опыте взаимодействия с ним. Известный российский синолог А.Д. Воскресенский обращает внимание на то, что существовавшие противоречия заставляли страны глубже вникать в особенности друг друга. При этом «Россия и Китай никогда не были в состоянии формально объявленной войны, и в принципе ... им всегда удавалось решать свои проблемы и восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров» [Воскресенский, 1999: 178].

В кратком пересказе общеизвестных исторических фактов выделим акценты, значимые для конструирования образа страны-соседа в сознании россиян. Охраняя сухопутные рубежи, Китай не ожидал, что угроза придёт со стороны моря. Великобритания, имевшая богатые колонии, к XIX в. стала одной из ведущих держав в сфере международной торговой политики. Она искала новые рынки сбыта. Выбор пал на Поднебесную. Закрытый Китай настороженно и неохотно вёл торговые дела с иностранцами: сильно ограничивался импорт, купцам из-за рубежа разрешалось использовать только порт Гуанчжоу (Кантон). Эти меры были направлены на сохранение установленного порядка и поддержания стабильности в стране. Россию активность британцев на китайском направлении не могла оставить равнодушной. Так, в одном из номеров журнала «Вестник Европы» была опубликована заметка, где говорилось буквально следующее: «Причиною вновь возникших несогласий в Кантоне между Англичанами и Китайцами, почитает Китайское правительство то, что Англичане ввезли туда многие товары, служащие к роскоши, от чего нравы Китайского народа могут развратиться»⁴.

² Хохлов. А.Н. Предисловие // Статистическое описание Китайской империи / Н.Я. Бичурин — Москва : Восточный Дом, 2002. (Классика отечественного и зарубежного востоковедения). — URL: http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0220.shtml (дата обращения 17.02.2021).

³ Копия с инструкции, данной чрезвычайному и полномочному послу графу Юрию Александровичу Головкину в С.-Петербурге Июля 6-го дня 1805 года. Текст воспроизведен по изданию: Из бумаг графа Ю. А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай // Старина и новизна, Книга 7. 1904 Сайт Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Golovkin_Ju_A/text1.htm (дата обращения 03.05.2020)

⁴ Текст воспроизведен по изданию: Известия о последних происшествиях // Вестник Европы, Часть 84. № 22. 1815 Сайт Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Vestnik_Evropy/1815_c_84_nom_22.htm (дата обращения 10.05.2020)

Энергичные англичане довольно быстро подобрали ключ к богатому Китаю. Преследуя цель расширить торговые права, Великобритания разработала целую сеть контрабандной торговли. Основным товаром стал опиум, возделываемый в Индии. Повсеместное распространение курения опиума пагубно сказалось на здоровье китайцев и изрядно подкосило население. Опиумный мор перерос в две войны, которые закончились поражением Цинской империи. Согласно мирным трактатам, помимо выплаты колоссальных контрибуций Англии и Франции, участвовавшей во Второй опиумной войне (1856–1860), Китай открыл ряд портов для европейской торговли, передал Гонконг во владение Великобритании, а также уступил ей и полуостров Коулун, лежащий напротив Гонконга.

Поражение в войнах развеяло убеждение Поднебесной в своём военном превосходстве. Переосмысление китаеццентристской точки зрения, выход из «застывшего» состояния посредством проведения реформ сразу в нескольких сферах жизни общества оказали влияние на образ страны за её рубежами. При этом западные страны продолжили активное вторжение на территорию Поднебесной, и, разделяя её на сферы влияния, старались ухватить «лакомый кусок». Япония, увидев превращение Китайской империи в полуколонiu, развязала с ней захватническую войну.

Иностранная интервенция, слабость и неспособность правительства отстаивать интересы своего государства, назревшие социально-экономические проблемы вылились в восстание тайпинов (1850–1864), позднее — в восстание ихэтуаней (1898–1901), или, как называли его на Западе, «боксёрское». Бунт ихэтуаней всколыхнул Цинский Китай и стал примером борьбы против иностранного вмешательства. Попытки народа свергнуть императора не увенчались успехом, повстанцы были подавлены.

Ввиду насыщенных политических событий этого периода в России возрос интерес к изучению культуры Китая. Выпускались альбомы живописи; книги, сборники, очерки; многие из которых включали в себя материалы представителей Русской духовной миссии в Пекине. В этих изданиях освещались различные стороны жизни китайского общества, уделялось внимание культуре в узком смысле этого понятия: описаниям быта, традиций, праздников, особенностей философии, национальной одежды, иероглифики. Исследовались национальные меньшинства, проживавшие на территории Среднего государства. Появилась новая отрасль науки — китаеведение, впоследствии ставшая университетской дисциплиной: «Передовые россияне указывали на перспективы двусторонних русско-китайских отношений. Они видели большие возможности для всей Евразии в техническом прогрессе, изучении природных недр Азии и т.д.» [Mukanova, 2018: 781].

При этом в русском обществе XIX в. бытовали различные и зачастую полярные мнения о Китае: консервативная страна, не стремящаяся к прогрессу; государство стабильности; недооценённая страна с широкими перспективами и зарождающимся народным движением; война в Поднебесной представлялась не просто международным противостоянием, а битвой двух цивилизаций — Востока и Запада. Складывается представление о Китае как антитезе «общепринятому»; нарушение общепринятого порядка именуются выражением «по-китайски». Эту подчёркнутую разницу двух культур отмечал ещё А.С. Хомяков, философ и публицист, в своём труде «Семирамида»: «Для нас китаец несколько смешон. Когда об нём думаешь, тотчас представляется острая шапка с кисточками, широкие рукава сумасшедшего, странная кофточка, узенькие глазки, выдававшиеся скулы и проч., и проч. Но другое чувство родится в душе того, кто окинет взглядом всю империю»⁵.

⁵ Хомяков А.С. Семирамида. С. 32 — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005432558/ (дата обращения 21.05.2020).

Напротив, «культурным исполином» назвал Китай востоковед В.М. Алексеев. Будущий академик совершил научную экспедицию в эту страну в 1907 г. В дневнике молодой учёный фиксирует буквально всё: здесь и описание храмов, городских и деревенских улиц, местного населения, праздников, театра; автор знакомит с нравами и обычаями, литературой, искусством каллиграфии, фольклором. Особое внимание В.М. Алексеев уделяет надписям, которые начертаны повсюду: на дверях, стенах, лодках, вывесках лавочек. Учёный отмечает приветливое и вежливое отношение со стороны населения: иностранного гостя усаживают на почётное место, потчуют чаем, беседуют. Даже когда путешественник, следуя по деревне, проходит мимо обдающих крестьян, те в свою очередь приглашают его присоединиться к трапезе. В дневниковые записи автор также включил небольшие отрывки разговоров с простым народом. Старый Китай словно оживает перед читателем. В.М. Алексеев считал, что западная и восточная цивилизации обязательно «встретятся», в результате чего откроются широкие перспективы.

Академик В.П. Васильев, внёсший огромный вклад в становление отечественного китаеведения, предполагал, что Поднебесная в будущем превратиться в мощную державу и станет играть значимую роль в международных отношениях: «Нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как всё это будет сделано тщательно и дёшево, то мир может быть завален китайскими товарами. ... Рука об руку, или даже идя впереди этого движения, может возрасти до неимоверной степени и политическое могущество Китая»⁶.

Неоднозначность образа Китая в представлениях русских оригинально выражают образы страны-соседа, запечатлённые карикатуристами. И в самом деле, «видимые образы, воспринимаемые индивидом

легче других, вне зависимости от скорости и простоты усвоения, несут в себе больше информации, чем может показаться» [Кузнецова, 2014: 193-194]. При этом «визуальный образ включает больший объём информации, чем вербальный, что повышает его значимость в качестве исторического источника» [Аксёнов, 2016: 216]. Талантливо созданная карикатура может красноречивее слов сказать не только о конкретном злободневном событии, но и о том, с чем ассоциируется изображаемая страна; помогает выразить настроение и передать нюансы эмоциональной оценки, ведь «для карикатуриста как врачающего общественных “помрачений”, говорящего на всем понятном “языке улицы”, “нет запретных тем и неприкасаемых лиц”» [Павлов, 2011: 192]. Особое внимание в данном контексте следует уделить политической карикатуре, которая затрагивает наиболее чувствительные аспекты двусторонних и многосторонних отношений, касавшихся России и Китая.

Так, в одном из номеров сатирического журнала «Будильник», вышедшего в 1900 г., была опубликована карикатура под названием «Марс XIX века». Гигантский римский бог войны Марс, облачённый в латы и изображённый на фоне пушек, ядер и солдатских шатров, держит в руке за длинную косу крохотного китайца. Прибегнув к гиперболе и литоте, автор рисунка создаёт резкий контраст, благодаря чему усиливается экспрессия. Китаец в широкой кофте и шароварах беспомощно и покорно висит в воздухе, ожидая, какие испытания приготовил бог войны. Важным элементом в облике жителя Поднебесной является коса, которая считалась символом верности маньчжурскому императору. Мужчины обязаны были брить переднюю часть головы, сохраняя волосы на темени. Если коса получалась короткой или по какой-то причине не могла вырасти, использовали искусственную. Противившимся носить косу отрубали голову. «Хочешь сохранить голо-

⁶ Васильев В. П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. — Санкт-Петербург : журн. «Вестник всемирной истории», 1900. — С. 162-163 — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Vasiljev_V_P/perspektivy_kitaja.htm (дата обращения 17.04.2020).

ву — должен лишиться волос, сохранишь волосы — лишишься головы» [Сидихменов, 2010: 415, 416]. Официально мужскому населению разрешили отстричь косы после революционных событий 1911–1912 гг.

Используя в карикатуре ещё один стилистический приём — метафору, художник изобразил Китай, а в виде Марса — вооружённые конфликты, которые уготованы не только на долю Поднебесной: наступающий двадцатый век принёс две кровавые мировые войны. После Синьхайской революции (1911–1912), которая завершилась падением монархии, до Движения «4 мая» 1919 г. Китай предпринимал попытки развиваться в русле капиталистической модернизации. Однако в стране не было условий, способствующих успешному проведению реформ. Октябрьская революция 1917 г. стала примером модели модернизации, противоположной вестернизации, и в зону внимания китайцев попала Советская Россия. В 1922 г. в сатирическом издании «Крокодил» была опубликована карикатура «По прямой дороге»⁷. Пожилой китаец, опираясь на палку, стоит на распутии и размышляет, какое направление выбрать: присоединится к США, Англии, Японии или России. Текст под рисунком подсказывает верный курс: «направо пойдёшь — в Америке пропадёшь, налево пойдёшь — в Японии пропадёшь, прямо пойдёшь — счастье найдёшь». Прямо — значит в РСФСР. В данном контексте прилагательное «прямой» несёт смысл «верный», «правильный» путь. Также художник прибегнул к метафоре: распутие — нелёгкое решение, задумчивость; от выбранной тропинки зависит будущее страны.

В период 1920–1930-х гг. карикатура пользовалась широким спросом у населения Советского Союза (или по крайней мере у населения больших городов): «Известны случаи, когда зрителей у стендов с новыми карикатурами собиралось так много, что они перекрывали движение в центре Мо-

сквы» [Голубев, 2018: 89–90]. Временами в советском журнале «Крокодил» появлялись карикатуры, посвящённые подъёму Китая и его противостоянию Западу. Например, китайский купец и рабочий, плывущие в джонке, спорят о приведённом в боевую готовность громадном корабле, капитаном которого является дядя Сэм⁸. Китайский купец: «Что ты волнуешься. Они просто хотят пристать к нашему берегу!» Рабочий: «Они и так слишком долго к нам приставали!» Данная карикатура построена на антитезе: китайская парусная лодка против западного стального корабля. Комический эффект усиливается за счёт каламбура слова «пристать»: в реплике купца «пристать» — означает причалить, в ответе рабочего подразумевается захватническая политика, которую с его точки зрения необходимо прекратить. В сатирическом рисунке «Европа и Китай»⁹ посредством гиперболы и литоты изображены пробуждающаяся Поднебесная и одетая во фрак, укомплектованная оружием танцующая крохотная Европа. Недолго осталось резвиться европейцу, скоро Китай выйдет из дремоты и встанет во весь рост.

Стоит отметить, что в период напряжённых отношений между двумя странами образ Китая, представленный в советской карикатуре, подвергался пересмотру. Так, в 1929 г. произошло крупное вооружённое столкновение на КВЖД. Это сразу нашло отклик в карикатуре П. Белянина¹⁰. Поднебесная предстала здесь в следующем виде: китаец с телом дракона корчится от боли; изо рта вырывается железная дорога, из ран на животе торчат рельсы и вагон поезда.

Образ братского государства Китай обретает в сознании советских людей после победы КПК в 1949 г. «Новое созвездие на мирном небосводе»¹¹ — такое название носит иллюстрация в журнале «Крокодил», приуроченная к образованию страны. Художник изобразил громадный раз-

⁷ Малютин И. По прямой дороге // Журнал «Крокодил». — 1922. — № 5 (17). — С. 5.

⁸ Ротов К. В китайском море // Журнал «Крокодил». — 1924. — № 17 (97). — С. 7.

⁹ Межеричер Л. Европа и Китай // Журнал «Крокодил». — 1925. — № 24 (134). — С. 1.

¹⁰ Белянин. П. // Журнал «Крокодил». — 1929. — № 29. — С. 2.

¹¹ Черемных М. «Новое созвездие на мирном небосводе» // Журнал «Крокодил». — 1949. — № 29. — С. 1.

вевающийся флаг, на кумачовом полотне которого зажглись золотые звёзды новой республики: «Официальные средства массовой информации в 1950-е гг. массированно пропагандировали вечную и нерушимую советско-китайскую дружбу, Китай был объявлен наиболее важным из всех советских союзников. Эти настроения выразились в знаменитой песне “Москва — Пекин”, которую в те годы знали практически все в СССР» [Лукин, 2007: 216].

Как известно, Советский Союз стал первым государством, признавшим Народный Китай. СССР оказывал содействие Китаю в подъёме хозяйства после разрухи. В этот период в КНР направлялись советские специалисты, а граждане Китая проходили обучение в вузах, техникумах, лабораториях и предприятиях СССР: «Помощь Китаю была каким-то всеобщим порывом в нашей стране. Выражением искреннего доверия к другому народу, когда, казалось, делается большое, благородное дело» [Федосов, 2013: 107].

В журнале «Крокодил» активно печатались материалы о новом Китае. Иллюстрации изображали счастливые лица рабочих и крестьян, подчёркивалась значимость развития дружественных советско-китайских отношений. По случаю основания колхоза в провинции Шэньси была опубликована иллюстрация В. Горяева¹²: крестьяне вешают на воротах вывеску: «Колхоз советско-китайская дружба». Реплики селян: «Крепко!», «Навечно!». На рисунке «В новом Китае»¹³ изображены шумящие наливыми колосьями поля, на которых ударно трудятся крестьяне. Жатва в разгаре. Подписи к иллюстрации: «Какой богатый урожай!», «Это только первые всходы!». После открытия крупной машинотракторной станции в издании разместили изображение, созданное М. Черемных¹⁴: из ворот М.Т.С. выезжают новенькие трактора, крестьяне и детвора, размахивая флагами, чествуют трактористов, дарят им пышные букеты цветов.

В одном из номеров 1959 г. «Крокодила» были опубликованы рисунки Бориса Ефимова¹⁵, созданные им после командировки в КНР по случаю выставки советской политической сатиры в Пекине. Выставка была организована в одном из павильонов дворца китайских императоров Гугун. Художник изобразил рабочего, сидящего на крылатом коне, символе кампании «Большого скачка», знаменующем движение вперёд, стремительный подъём; а также сделал дружеские шаржи на китайских коллег, вооружив их заточенными карандашами и как бы подчёркивая — ничего не скроется от острого пера сатиры. Командировка по рассказам выдающегося советского карикатуриста была насыщенной и колоритной. Мастер проехал от Пекина до Гуанчжоу, посетил крупные города и небольшие деревеньки. Из воспоминаний Бориса Ефимова: «Я бывал не раз за границей, видывал разные страны. Но поездка в Китай оказалась чем-то совершенно особым — я увидел не другую страну, не другой континент, я увидел — другой мир»¹⁶.

Итак, образ Китая в восприятии жителей России претерпел значительную эволюцию, отражавшую особенности исторических периодов, переживаемых каждой из стран-соседей. Если по результатам первых контактов Поднебесная представлялась в качестве отделившейся от внешнего мира таинственной страны, застывшей во времени, то в период вторжения западных государств и проведения ими хищнической политики Китай, превратившийся в полуколонию, но продолжавший борьбу за свою независимость, стал трактоваться как растерзанный и слабый. После прихода к власти КПК образ Китая преобразился, страна-сосед начала восприниматься союзным и даже братским государством. Перипетии XX в. нашли отражение в карикатуре, где образ китайца эпохи феодализма трансформировался в образы крестьян и рабочих, ведущих страну к счастливой жизни.

¹² Горяев. В. // Журнал «Крокодил». — 1952 — № 36 (1326). — С. 6.

¹³ Коновалов В. В новом Китае // Журнал «Крокодил». — 1951. — № 28. — С. 4.

¹⁴ Черемных М. // Журнал «Крокодил». — 1953. — № 12 (1338). — С. 5.

¹⁵ Ефимов Б. // Журнал «Крокодил». — 1959. — № 8 (1550). — С. 8–9.

¹⁶ Ефимов Б.Е. Десять десятилетий (О том, что видел, пережил, запомнил). — Москва : Вагриус, 2000. — 636 с.

Список литературы:

- Прокудин Д.Е. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве / Д.Е. Прокудин, И.И. Толстокова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2018. — Т. 34, № 2. — С. 288–298. — DOI 10.21638/11701/spbu17.2018.212.
- Magu S. Reconceptualizing Cultural Globalization: Connecting the “Cultural Global” and the “Cultural Local” // Social Sciences. — 2015. — Vol. 4, № 3. — P. 630–645.
- Bennett M.J. Becoming interculturally competent // Toward multiculturalism : a reader in multicultural education / ed. By J.S Wurzel. — Newton, MA : Intercultural Resource Corporation, 2004. — P. 62–77.
- Палий И.Г. К вопросу о диалоге культур // Бюллетень Специальной астрофизической обсерватории РАН. — 2006. — Т. 60–61. — С. 182–186.
- Вознюк Е.Б. Познание культуры в процессе диалога // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 2–1. — С. 159–161.
- Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «свой-чужой» // Коммуникология. — 2020. — Том 8. № 1. — С. 138–154. — DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154.
- Лихачев Д.С. Выступление на съезде народных депутатов СССР в мае-июне 1989 г. // Слово писателя: выступления писателей на Съезде народных депутатов СССР / сост. Иванов Г. — Москва : Художественная лит-ра, 1989. — С. 3–9.
- Siljanovska L. Mass Media and Cultural Memory: Idealization of Values // Култура/Culture. — 2014. — № 7. — P. 113–122.
- Швецова М.Г. Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2012. — № 3. — С. 288–298.
- Антонюк Е.Ю. Эволюция образа страны в философско-культурологической парадигме // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2012. — № 4. — С. 121–126.
- Глаголев В.С. «Экология культуры» — базовое условие современных прогнозов и преодоления цивилизационных рисков // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Международные Лихачевские научные чтения. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2017а. — С. 316–318.
- Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. — 2015. — № 3. — С. 114–118.
- Отражение внешней политики КНР в образах настоящего и будущего в массовом сознании китайцев: психографический метод / А. А. Токарев, А. Ю. Приходченко, А. Р. Маргоев, А. А. Целещев // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 1. — С. 58–77. — DOI 10.17976/jpps/2021.01.05.
- История и культура Китая: (Сборник памяти акад. В. П. Васильева) / Отв. ред. Л. С. Васильев ; АН СССР. Ин-т востоковедения. — Москва : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1974. — 479 с.
- Тихвинский С.Л. История Китая и современность. — Москва : Наука, 1976. — 359 с.
- Глаголев В.С. Своеобразие коммуникации россиян с дальневосточными партнерами // О России с любовью. Лики России : Материалы II международного межвузовского форума. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и прав, 2017б. — С. 324–331.
- Благодер Ю.Г. Образ Китая в сознании российского образованного общества XVII начала XX в / Ю. Г. Благодер, С. С. Минц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2011. — № 3. — С. 110–126.
- Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII - начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2010. — № 2. — С. 3–15.
- Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. — Москва : Московский общественный научный фонд, 1999. — 412 с.
- Mukanova G.K. Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX - early XX centuries (on the example of Printed Publications) // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2018. — № 2. — P. 776–785. — DOI 10.13187/bg.2018.2.776.
- Кузнецова Е.М. Проблема восприятия визуального образа // Наука Искусство Культура. — 2014. — № 3. — С. 190–194.

- Аксенов В.Б. «Враги России» в журнальной карикатуре // Российская история. — 2016. — № 5. — С. 216–222.
- Павлов Д.Б. А.Г. Голиков, И.С. Рыбаченок. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX вв. в политической карикатуре // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 192–194.
- Сидихменов В.Я. Китай. Страницы прошлого. — Смоленск : Русич, 2010. — 540 с.
- Голубев А.В. Советская политическая карикатура 1920–1930-х гг. // Российская история. — 2018. — № 6. — С. 84–102. — DOI 10.31857/S086956870002292-2.
- Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом : образ Китая в России в XVII–XXI веках. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 598 с.
- Федосов Е.А. Внешний мир глазами советской пропаганды 1950-х — начала 1960-х гг. в плакатах и карикатурах // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 1. — С. 106–109.

References:

- Prokudin, D. E. and Tolstikova, I. I. (2018) 'Interaction of cultures in virtual space', *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34(2), pp. 288–298. doi: 10.21638/11701/spbu17.2018.212. (In Russian).
- Magu, S. (2015) 'Reconceptualizing Cultural Globalization: Connecting the "Cultural Global" and the "Cultural Local"', *Social Sciences*, 4(3), pp. 630–645. doi: 10.3390/socsci4030630. (In Russian).
- Bennett, M.J. (2004) 'Becoming intercultural competent', in: Wurzel, J.S. (ed.) *Toward multiculturalism: a reader in multicultural education*. Newton, MA: Intercultural Resource Corporation, 2004. P. 62–77.
- Paliy, I. G. (2006) 'On the Dialogue of Cultures', *Astrophysical Bulletin*, 60–61, pp. 182–186. (In Russian).
- Vosnyuk, E. B. (2010) 'Cognition of Culture in the Process of Dialogue', *Izvestiya of Altai State University*, (2–1), pp. 159–161. (In Russian).
- Egorov, V. K. (2020) 'Yet Again on the Contents of Friend or Foe Dichotomy', *Communicology*, 8(1), pp. 138–154. doi: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154. (In Russian).
- Likhachev, D. S. (1989) 'Vystuplenie na s»ezde narodnykh deputatov SSSR v mae–iune 1989 g. [Speech at the Congress of People's Deputies of the USSR in May–June 1989]', in: Ivanov, G. (ed.) *Slovo pisatel'ia : vystupleniia pistelei na S»ezde narodnykh deputatov SSSR [Writer's word: Writers' speeches at the Congress of Nar. deputies of the USSR]*. Moscow: Khudozhestvennaia lit-ra Publ., pp. 3–9. (In Russian).
- Siljanovska, L. (2014) 'Mass Media and Cultural Memory: Idealization of Values', *Култура/Culture*, (7), pp. 113–122.
- Shvetsova, M. G. (2012) 'Mass Media Role in Creating Country Image', *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, (3), pp. 288–298. (In Russian).
- Antonyuk, E. Y. (2012) 'The Evolution of a Country Image in the Philosophical and Culturological Paradigm', *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, (4), pp. 121–126. (In Russian).
- Glagolev, V. S. (2017) '«Ekologiya kul'tury» — bazovoe uslovie svoevremennykh prognozov i preodoleniia tsivilizatsionnykh riskov. [«Ecology of culture» - a basic condition for modern forecasts and overcoming civilizational risks]', in: *Global World: System Shifts, Challenges and Contours of the Future: the 17th International Likhachov Scientific Conference Proceedings*, pp. 316–318. (In Russian).
- Kozlova, A. A. (2015) 'Imagological Method in Literary and Cultural Research', *Observatory of Culture*, (3), pp. 114–118. (In Russian).
- Tokarev, A. A. et al. (2021) 'Chinese Foreign Policy Reflected in Images of the Present and the Future: Psychographic Method', *Polis. Political Studies*, (1), pp. 58–77. doi: 10.17976/jpps/2021.01.05. (In Russian).
- Vasilyev, L. S. (ed.) (1974) *Istoriia i kultura Kitaia (sbornik pamiati akademika V.P. Vasileva) [Istoriya i kul'tura Kitaya. Sbornik pamyati akademika V.P. Vasil'yeva. 66 / 5000 Результаты перевода History and culture of China. Collection in memory of academician V.P. Vasilyeva]*. Moscow: Nauka. GRVL Publ. (In Russian).

- Tikhvinsky, S. L. (1976) *Istoriia Kitaia i sovremennost [Chinese history and modernity]*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Glagolev, V. S. (2017b) 'The Features of Russian Communication with the Far Eastern Partners', in *O Rossii s liubov'iu. Liki Rossii [About Russia with love. Faces of Russia. Conference Proceedings]*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii institut vneshneekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava Publ., pp. 324–331.
- Blagoder, Y. H. and Mints, S. S. (2011) 'Image of China in Consciousness of Russian Educated Society of the 17th – early 20th Centuries', *RUDN Journal of Russian History*, (3), pp. 110–126. (In Russian).
- Samoylov, N. A. (2010) 'Russia and China in the 18th — early 20th centuries: interactive tendencies and mutual impact', *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, (2), pp. 3–15. (In Russian).
- Voskresensky, A. D. (1999) *Rossiia i Kitai : teoriia i istoriia mezhdgosudarstvennykh otnoshenii [Russia and China: theory and history of interstate relations]*. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. (In Russian).
- Mukanova, G. K. (2018) 'Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications)', *Bylye Gody*, 48(2). doi: 10.13187/bg.2018.2.776. (In Russian).
- Kuznetsova, E. M. (2014) 'The Problem of Perception of Visual Image', *Science Arts Culture*, (3), pp. 190–194. (In Russian).
- Aksenov, V. B. (2016) 'The Enemies of Russia in Journals' Cartoons', *Russian History*, (5), pp. 216–222. (In Russian).
- Pavlov, D. B. (2011) 'A.G. Golikov, I.S. Rybchenok. Laughing Is a Serious Matter. Russia and the World of Late 19th – Early 20th Centuries as Mirrored in Political Cartoons', *Russian History*, (3), pp. 192–194. (In Russian).
- Sidikhmenov, V. (2010) *Kitai : stranitsy proshlogo [China: pages of the past]*. Smolensk: Rusich. (In Russian).
- Golubev, A. (2018) 'Soviet political caricature of the 1920s–1930s', *Russian History*, (6), pp. 84–102. doi: 10.31857/S086956870002292-2. (In Russian).
- Lukin, A. V. (2007) *Medved nabljudayet za drakonom obraz Kitaja v Rossii v XVII - XXI vekach [The bear is watching the dragon. The image of China in Russia in the 17th - 21st centuries]*. Moscow: Ast. (In Russian).
- Fedosov, E. A. (2013) 'Outer world viewed by Soviet propaganda of the 1950s - early 1960s in posters and caricatures', *Tomsk State University Journal of History*, (1), pp. 106–109. (In Russian).

Информация об авторах

Ольга Викторовна Бокавнева — руководитель педагогических программ факультета Международных экономических отношений МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Olga V. Bokavneva — Director of educational programs for the Dean's office of the Faculty of International Economic Relations, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.01.2021; одобрена после рецензирования 28.02.2021; принята к публикации 31.03.2021.

The article was submitted 19.01.2021; approved after reviewing 28.02.2021; accepted for publication 31.03.2021.